Николай Переслѣгинъ

РОМАНЪ

*(Продолженіе *)*

Москва, 30-го августа 1913 г.

За послѣдніе дни, родная, перевидалъ я безконечное количество людей. Послѣ нашей Косатынской тишины здѣшніе встрѣчи и споры доставляютъ мнѣ большое удовольствіе. Страдаю только отъ того, что всюду бываю одинъ. Ради Бога собирайся скорѣе. Отецъ къ своей подагрѣ привыкъ, онъ съ нею и безъ Тебя справится. Вотъ только бы скорѣе проходилъ бронхитъ; я всегда боюсь за его легкія. Работы сейчасъ въ самомъ разгарѣ, и ему навѣрное не сидится дома. Передай ему, что я очень прошу быть осторожнымъ. Если расхворается всерьезъ — Тебѣ скоро не выбраться. Мнѣ же ѣхать одному въ Петербургъ очень не хочется. Москва, какъ ни какъ, свой городъ, да и у Константина Васильевича я живу какъ у Христа за пазухой: — знакомыя комнаты (въ Твоей ничего не тронуто), ваша Дуняша, которая все разспрашиваетъ о Тебѣ... А въ Петербургѣ будетъ тоска несосвѣтимая. Особенно если начнутся дожди и придется сейчасъ-же приступать къ экзаменамъ.

---

*) «Соврем. Записки», кн. 14, 15, 17, 18.

Вопросъ о томъ, гдѣ сдавать магистерскій, мнѣ еще несовсѣмъ ясенъ. Все-же думаю, что въ Петербургѣ дѣло сладится быстрѣе и легче. Надняхъ былъ я у Александра Ивановича, только что вернувшагосяд съ ачи, и обо всемъ съ нимъ по душамъ поговорилъ. Онъ все такой-же; живетъ въ косенькомъ своемъ особнячкѣ вдвоемъ съ древней своею нянюшкой. Съ утра до вечера стряхиваетъ пепелъ на свой допотопный сюртукъ желтымъ ноготкомъ указательнаго пальца и быстро болтаетъ ложечкой въ стаканѣ жидкаго чая съ лимономъ. Желтобородый, морщинистый и словоохотливый, онъ одновременно напоминаетъ и богомолку и козла и печеное яблоко.

Очень мнѣ было пріятно съ нимъ посидѣть: — вспомнили старое время, когда мы, дѣти, переставали бывало танцовать, ожидая, что къ часу появится изъ клуба Александръ Ивановичъ и начнетъ разсказывать страшные разсказы, отправляя въ бородатый, беззубый ротъ свои любимые мятные пряники и запивая ихъ краснымъ виномъ...

Ну такъ вотъ, Наталенька, изъ этого разговора, очень обстоятельнаго (я изложилъ Александру Ивановичу въ общихъ чертахъ сущность своей работы), мнѣ и выяснилось, что мы съ моей философіей врядъ-ли придемся въ Москвѣ ко двору. Здѣсь господствуютъ не только другія направленія, но больше — изживается совершенно другая эпоха; я сказалъ бы до-кантовская.

Въ университетѣ у власти съ одной стороны очень чуждый мнѣ раціонализмъ, съ другой — совершенно уже непріемлемый психологизмъ. Критицизмъ же никакъ и никѣмъ не представленъ. Новаго для меня въ этомъ ничего нѣтъ, но я все это третьяго дня какъ то по новому почувствовалъ. Причемъ вотъ что важно. Дѣло совсѣмъ не въ московскомъ университетѣ, а въ судьбахъ всей русской философіи.

Уже давно прошли мы и черезъ Гегеля и черезъ Шопенгауэра и черезъ романтику ; черезъ Канта же не то

что не прошли, а даже и не натолкнулись на него. А между тѣмъ онъ очень существененъ, очень нуженъ въ особенности намъ, русскимъ. Вѣдь стихія критицизма, взятая въ своемъ метафизическомъ аспектѣ, прежде всего стихія совѣсти. Я отнюдь не слѣпой кантіанецъ и очень хорошо понимаю, что критицизмъ настолько-же меньше всякой подлинной метафизики, насколько запрещающая ветхозавѣтная совѣсть: — «не убій», «не прелюбы сотвори» и т. д. меньше положительнаго христіанскаго откровенія.

И все же я остро чувствую, до чего опасно, по крайней мѣрѣ для русской философіи, всякое устремленіе къ положительному откровенію мимо критической совѣсти, до чего легко впасть на этихъ путяхъ въ соблазнъ откровенной безсовѣстности.

Александръ Ивановичъ замѣчательно умный и милый человѣкъ, но трансцендентальной совѣсти въ его размышленіяхъ, на мой слухъ, весьма недостаточно и философски понять другъ друга намъ было-бы, какъ мнѣ кажется, не такъ легко.

Не будь онъ такимъ стариннымъ знакомымъ всей нашей семьи, дѣло было-бы проще, а такъ — нескладно. Не принять моей работы ему неловко, а принять работу, остро полемизирующую съ защищаемою имъ точкою зрѣнія — тоже не дѣло. Такъ мы и порѣшили, что съ нимъ мы будемъ бесѣдовать, а сдавать магистерскій правильнѣе въ Петербургѣ.

Кромѣ Александра Ивановича перевидалъ я еще многихъ московскихъ философовъ. Вчера цѣлый вечеръ проспорилъ о Кантѣ. Доказывалъ, что даже и отвергая правду Канта, нельзя проходить мимо его единственнаго мастерства, которое само по себѣ уже громадная правда. Но нѣтъ, не чувствуютъ люди, что Кантъ профессіонально, я сказалъ-бы даже ремесленно, для современной философіи совершенно то-же самое, что Сезаннъ для современной живописи: — послѣдній большой мастеръ-революціонеръ, законодатель новаго стиля философствованія, на

которомъ не обязательно останавливаться, но черезъ котораго необходимо пройти каждому, кто дѣйствительно влечется душою не только вообще къ Духу и Истинѣ, но къ философіи, какъ таковой, кто по настоящему чувствуетъ специфическое Бытіе философіи и специфическую маэстрію философскаго творчества. Ну какъ-же можно читать Канта и не ощущать безмѣрной радости и удивленія: — не думаетъ, а колдуетъ. Изъ щепотки извѣстныхъ фактовъ и нѣсколькихъ въ сущности даже старыхъ мыслей (Лейбницевскихъ, Юмовскихъ) вывариваетъ нѣчто совершенно новое, какое-то горькое, ядовитое зелье.

Возражали мнѣ, какъ Ты легко можешь себѣ представить, очень горячо, доказывая, что мой артистическій формализмъ глубоко чуждъ духу русской философіи, что русская стихія по преимуществу стихія религіозная, и что этимъ и объясняется малая формальная одаренность Россіи.

Что русская стихія по преимуществу религіозна — вѣрно, но что Россія формально не одарена — совершенно ни на чемъ не основанная выдумка.

А нагорные силуэты приволожскихъ городовъ? А покосъ міромъ чѣмъ не Далькрозъ? А Шаляпинскія походки спукающихся подъ гору босыхъ мужиковъ? А вся чинная церемоніальность исконнаго русскаго быта? А истуканій русскій плясъ и многоголосый хоръ? — Неужели-же все это не говоритъ о совершенно исключительномъ въ своей непосредственности русскомъ чувствѣ формы? О немъ-же не только говоритъ, но уже кричитъ и все русское искусство! И Пушкинъ (цѣликомъ), и самоцвѣтность Гоголевскаго слова, и конструктивный динамизмъ романовъ Достоевскаго, и стереоскопическіе рельефы Толстого, и сложнѣйшая фактура стилизованной, коллекціонирующей «словечки» и все-же глубоко народной прозы Лѣскова, и крѣпостной театръ, и нашъ балетъ, и современная живопись, и современная литература вплоть до Бѣлаго и Ремизова. Все это въ отличіе отъ

большинства философскихъ произведеній моихъ оппонентовъ совсѣмъ не религіозно-міросозерцательное томленіе, а искусство: — очень большое и зрѣлое мастерство, неразрывно связанное со всѣмъ западнымъ искусствомъ отъ Шекспира до Ибсена, главное же прошедшее черезъ искусъ громаднаго, любовнаго, внимательнаго труда. Все это настоящая иконопись русскаго духа, а не кустарныя издѣлія изъ подъ Троицы. Нѣтъ, что ни говори, но по моему въ Богѣ стругать топорище религіозно много глубже, чѣмъ топоромъ тесать себѣ Бога. Помнишь «Запечатлѣннаго Ангела»? Какая святая, подвижническая любовь къ мастерству, къ матеріалу, техникѣ и черезъ все это къ Богу! Вотъ чего никакъ не хотятъ понять мои вчерашніе оппоненты. Рѣшительно въ русской философіи что-то неладно!

Въ чемъ тутъ дѣло — сказать трудно. Нигдѣ такъ много не философствуютъ, какъ въ Россіи, а философіи — нѣтъ. Впрочемъ аналогичные курьезы есть и въ другихъ странахъ. Германія — страна музыки, а какъ только нѣмцы невзначай запоютъ хоромъ, хоть святыхъ вонъ выноси; такъ же Италія — страна глубочайшей театральной традиціи а театра нѣтъ; въ драмѣ не высидишь, опера лучше, но тоже страшное варварство.

Кстати о театрѣ. Въ послѣднемъ письмѣ забылъ написать Тебѣ, что по возвращеніи изъ Корчагина ходили мы съ Константиномъ Васильевичемъ въ Лѣтній Эрмитажъ смотрѣть Нарымова.

Собираясь «кутить», Константинъ Васильевичъ очень суетился и даже волновался. Вспоминалъ свою холостую жизнь, когда «частенько хаживалъ лѣтомъ въ сады», съ увлеченіемъ расказывалъ о своемъ участіи въ комитетѣ по устройству первыхъ народныхъ гуляній въ Манежѣ, долго разсчитывалъ когда онъ въ послѣдній разъ былъ съ «Лидуней» въ театрѣ. Одѣвался онъ словно невѣста, цѣлую вѣчность, но зато ужъ и вышелъ изъ спальни такимъ заправскимъ стариннымъ щеголемъ, что я только

ротъ раскрылъ. Обрадованный моимъ удивленіемъ онъ лукаво подмигнулъ своимъ темнымъ горячимъ глазомъ изъ подъ совсѣмъ такой-же какъ у Тебя брови, и напѣвая модный въ «старинные годы» цыганскій романсъ, героемъ вышелъ въ переднюю, чувствуя, что онъ на что-то рѣшился. Оказывается, что какъ женился, такъ тутъ-же и бросилъ ходить въ сады: «Сначала денегъ лишнихъ не было, потомъ времени..., такъ и отвыкъ».

Нарымовъ игралъ изумительно. Россіи въ немъ больше чѣмъ во всѣхъ славянофильскихъ писаніяхъ вмѣстѣ. Закроешь глаза — со сцены рѣкою тянетъ: — прохладой, просторомъ, ракитнымъ кустомъ... вотъ, вотъ, защелкаетъ соловей. А какая русская рѣчь — музыка. Дай ему что хочешь читать, букварь — у него Пушкинъ выйдетъ. Замѣчательнѣе-же всего — невѣроятная легкость громаднаго, грузнаго тѣла. Не тѣло, — а «пухъ Эола»; и потомъ жестъ — совсѣмъ особенный, въ другомъ актерѣ быть можетъ принципіально недопустимый, не столько выражающій опредѣленную эмоцію, сколько все время что-то разсказывающій; жестъ глухонѣмого. Причемъ каждый палецъ самъ по себѣ, у каждаго своя физіономія.

Но все это внѣшнее важно, конечно, только какъ внутреннее. Не всякій художникъ по своимъ убѣжденіямъ метафизикъ, но подлинный талантъ самъ по себѣ всегда метафизиченъ, по своему корню, по своему звуку, по своему дѣйствію. Нарымовъ тому прямое доказательство. Я съ нимъ встрѣчался не разъ. Человѣкъ по своему образованный, бывавшій въ Европѣ, но совсѣмъ простой и не мудрствующій. Послѣ спектакля любитъ поужинать, выпить, сыграть въ преферансикъ, побренчать на гитарѣ, помечтать о внучатахъ... А талантъ его на него не похожъ. Талантъ его настоящій большой философъ, всю жизнь работающій надъ одною и тою-же метафизической темою оправданія и спасенія грѣшной человѣческой души.

Сколько ни видалъ Нарымова — всегда онъ играетъ сбившихся, пьяненькихъ, подленькихъ, павшихъ, грѣш-

ныхъ, преступныхъ; оттѣнковъ у него безъ конца. Играетъ всегда мягко, безъ педали, но и безъ прикрасъ, безъ идеализаціи, со всею зоркою мѣткостью своего геніальнаго реализма. И все-же, кого-бы онъ ни игралъ, всякаго изъ своихъ жалкихъ, темныхъ героевъ онъ обязательно какъ-то оправдаетъ и спасетъ, каждому отвоюетъ въ сердцахъ зрителей и въ царствіи небесномъ и уголъ и койку. Такъ было и теперь съ Расплюевымъ. Всю проплеванность его души показалъ, но плюнуть на своего героя никому не позволилъ. Громадный талантъ. Къ нему ни съ Кантомъ, ни съ Сезанномъ не сунешься, онъ самъ себѣ и Кантъ и Сезаннъ.

Такъ онъ насъ съ Константиномъ Васильевичемъ растрогалъ, что мы рѣшили остаться поужинать. Усѣлись мы на стеклянной террасѣ за маленькимъ столикомъ у самыхъ перилъ. Вдали на открытой сценѣ, въ красныхъ огняхъ головоломно летали по воздуху какіе-то красные люди-рыбы. Подъ большими газовыми фонарями зеленовато мутнѣла плотная, квадратная спина равнодушныхъ московскихъ зрителей. За перилами на пыльной площадкѣ прилежно вертѣлась унылая карусель входной садовой публики. У насъ на террасѣ было какъ будто веселѣе. Отчаявалась рыдающая скрипка, словно въ забытьѣ замирали цымбалы, взлетали хохоты и пробки, постукивали тарелки, и кренясь словно велосипедисты на виражахъ, рѣзво носились между столиками привѣтливые московскіе половые.

Просидѣли мы съ Константиномъ Васильевичемъ долго и время провели очень хорошо: по мужски, по родственному, каждый самъ по себѣ и все таки вмѣстѣ. Закусивъ «подъ водочку» и выпивъ къ паровой осетринѣ бутылку вина, Константинъ Васильевичъ совсѣмъ переродился. Изъ милаго — сталъ талантливымъ, изъ дѣлового человѣка — фантазеромъ, и главное, изъ молчаливаго — очень разговорчивымъ. Разсказалъ онъ мнѣ и о своей страстной влюбленности въ недосягаемую «Лидуню», и о вдохно-

венной рѣчи Достоевскаго на открытіи памятника Пушкина, и о томъ, какъ всю молодость пробился надъ осуществленіемъ мечты Леонардо окрылить человѣка, на что, по его убѣжденію, у него не хватило только шелку, и о томъ, какъ всѣ свои холостыя воскресенья протолкался на Сухаревкѣ, ища среди хламу всяческой старины...

Конечно, математическихъ знаній, вынесенныхъ изъ Заиконоспасскаго училища греческаго монастыря, хватить на постройку аэроплана никакъ не могло, но дѣло вѣдь не въ успѣхѣ, а въ талантѣ. Никогда и не подозрѣвалъ я, Наталенька, что отецъ твой такой замѣчательный человѣкъ: — горячій, съ мечтой и съ полетомъ. Думается, что его заботы о семьѣ и заботы о немъ «Лидуни» пригасили его крылатыя мечты о крыльяхъ... По моему онъ свою «счастливѣйшую жизнь въ семьѣ» прожилъ какъ жукъ подъ стекломъ. Очень я радъ, родная, что Нарымовъ, музыка и вино помогли ему тряхнуть стариной и показать свою настоящую широкую душу.

Знаешь, я всегда удивлялся тому исключительному такту, съ которымъ Твои родители отнеслись къ нашему жестокому для нихъ роману. Послѣ вечера въ Эрмитажѣ я многое понялъ. Широта души всегда — и пониманіе міра и источникъ настоящей любви. Представь себѣ какой былъ-бы ужасъ, если-бы вмѣсто Твоихъ родителей мы имѣли бы дѣло съ Алешиной матерью, которая не только міра, но и самою себя не понимаетъ, давно уже забывъ о своей собственной молодости. Мнѣ кажется, что если бы не ея все усиливающееся вліяніе, мы давно нашли-бы съ Алешей хоть какой нибудь общій языкъ. Все время верчу въ душѣ большое письмо къ нему, но напишу-ли — не знаю: нѣтъ настоящей вѣры, что смогу сказать, потому что нѣтъ настоящей надежды, что онъ захочетъ услышать...

Можешь себѣ представить, Наталенька, что нашъ скромный выѣздъ произвелъ на Константина Васильевича, какъ это ни странно, нѣкоторое впечатлѣніе.

Вставъ на слѣдующее утро очень поздно, онъ вызвалъ

къ чайному столу старшаго мастера и завѣдующаго; наставительно отдалъ цѣлый рядъ распоряженій, переспросилъ, поняли ли его, походилъ въ нѣкоторомъ волненіи по комнатѣ, принялъ соды и затѣмъ объявилъ мнѣ, что поѣдетъ въ Корчагино, такъ какъ ему давно надоѣло всю жизнь одну и ту же лямку тянуть. Можешь себѣ представить, что я не поскупился на серьезнѣйшіе доводы въ пользу его «легкокрылаго» рѣшенія. Черезъ часъ мы съ нимъ были уже на вокзалѣ. Въ вагонѣ онъ вдругъ заволновался, не напутаютъ ли чего безъ него въ Москвѣ, найдетъ ли онъ извозчика на станціи, не перепугаетъ-ли всѣхъ въ Корчагинѣ; но дѣло было уже сдѣлано, поѣздъ тронулся, и онъ, смущенно улыбаясь, закивалъ мнѣ изъ окна.

Проводивъ его, я поѣхалъ къ Полонскимъ. Но о нихъ напишу завтра, такъ какъ сейчасъ долженъ притти Сѣдловъ, съ которымъ я сговорился по телефону. Я конечно постараюсь получить съ него какъ можно больше, но все-же передай отцу, что чувствую, многаго я не добьюсь; не мастеръ я торговаться съ должниками.

Ну, родная, до скораго свиданья. Надѣюсь, что перспектива Петербургской жизни будетъ Тебѣ пріятнѣе Московской. Въ Москвѣ Тебя замучилъ-бы Алеша: вѣдь онъ изо дня въ день и жаждалъ и боялся бы встрѣчи съ Тобою. Да и жизнь среди всѣхъ родныхъ и знакомыхъ показалась-бы намъ послѣ нашей тишины утомительной и разлучающей. А Петербургъ: — новый городъ, отсутствіе людей и воспоминаній быть можетъ и станетъ тѣмъ продолженіемъ нашей Касатынской жизни, нашего «одиночества вдвоемъ», о которомъ Ты такъ нѣжно мечтаешь въ Твоемъ письмѣ, за которое я еще разъ «безъ конца» цѣлую Твои милыя рученьки.

Весь Твой Николай.

Москва, 31-го августа 1913.

Сегодня съ утра льетъ дождь, и барометръ упорно идетъ налѣво. Не дай Богъ у Васъ то же самое. Отецъ волнуется, управляющему достается, на поденную никого не соберешь, и всѣ ждутъ отъ Тебя разрѣшенія всѣхъ вопросовъ и умитворенія всѣхъ страстей. Дома все-бы помогъ Тебѣ, а тутъ совсѣмъ нечего дѣлать. Въ квартирѣ сумрачно, за окнами гниль и нудь, Константина Васильевича нѣту, читать не хочется, дома сидѣть скучно и пойти ни къ кому не тянетъ; очень надоѣли люди...

Одно остается утѣшеніе сидѣть и весь день писать Тебѣ. Надѣюсь, что письмо не выйдетъ такимъ же дождливымъ и сумрачнымъ, какъ нынѣшній день и такимъ-же плоскимъ какъ эта надежда.

Я кажется уже упоминалъ, что проводивъ Константина Васильевича въ Корчагино, я поѣхалъ къ Полонскимъ, а потому и начинаю съ нихъ. Очень у меня странное отношеніе къ этимъ внутренно мнѣ совершенно чуждымъ людямъ. Дѣлать у нихъ мнѣ нечего, а повидаться всегда тянетъ. Почему? Думаю, потому, что когда мы во время поѣздки въ Холмы впервые намеками говорили съ Тобою о любви, передо мной все время маячила широкая, самоувѣренная спина Полонскаго, горячо спорившаго съ Алешей. Можетъ быть это грѣшно, но я многихъ людей люблю только за то, что въ существенную для меня минуту они случайно пересѣкли орбиту моей жизни. И Полонскій и его жена для меня въ сущности не люди, а только дорогія детали какого-то вѣчно живущаго во мнѣ душевнаго пейзажа. Ничего дурного я своимъ отношеніемъ имъ не причиняю, если не считать за грѣхъ то, что я ихъ невольно обманываю. Чувствуя при нашихъ рѣдкихъ встрѣчахъ, какъ я радъ ихъ видѣть, они конечно приписываютъ эту радость себѣ. Невѣрнаго тутъ ничего нѣтъ; они только не знаютъ, что я еще больше обрадовался бы встрѣчѣ

съ тѣми тремя березами, у которыхъ начался нашъ первый съ Тобою разговоръ.

Вся нѣмецкая философія утверждаетъ, что каждый человѣкъ довлѣетъ себѣ, и что превращеніе его изъ самоцѣли въ средство есть начало всяческой безнравственности. Было-бы очень интересно разобраться въ вопросѣ, можно ли очень свойственное мнѣ превращеніе человѣка въ образъ, въ іероглифъ, въ памятку разсматривать какъ частный случай превращенія его въ служебное средство. Никакимъ своимъ цѣлямъ я Полонскихъ служить не принуждаю, но самодовлѣющаго значенія они для меня тоже не имѣютъ. И въ этомъ быть можетъ есть легкій звукъ какого-то аморализма. Но что-же мнѣ дѣлать: — не любить ихъ я не могу, а сказать имъ, что они для меня — дорогія березы — тоже какъ-то нескладно; да и не поймутъ они правды такого отношенія къ людямъ. Я-же вѣрю, что между людьми, случайно прошедшими другъ мимо друга въ минуту одинаково большую для каждаго изъ нихъ, возможны отношенія не менѣе значительныя чѣмъ дружба и любовь. Встрѣчи въ память такихъ минутъ могутъ достигать исключительнаго напряженія и красоты.

Но все это, конечно, только между людьми тончайшаго внутренняго слуха, большого творческаго дарованія. Въ такихъ отношеніяхъ все зависитъ отъ того, чтобы не убить въ послѣдующихъ свиданіяхъ чувства первой встрѣчи, какъ мимолетной встрѣчи сумеречныхъ силуэтовъ на перекресткѣ двухъ дорогъ, чтобы не попытаться уплотниться другъ для друга до живыхъ людей, не попытаться пойти проводить другъ друга до дому...

Живутъ Полонскіе, какъ жили и раньше: хлѣбосольно, шумно, безалаберно и безвкусно. Дача — Ноевъ Ковчегъ; въ саду — шары и гномы. На террасѣ день и ночь накрытый столъ, вѣчные политическіе споры и несмолкаемый міросозерцательный шумъ. Собираются у нихъ попрежнему всѣ, кому нечего дѣлать, кто любитъ поѣсть и самъ

себя послушать. Я пріѣхалъ къ пяти часамъ и засталъ за самоваромъ знаменитаго думскаго соловья Ладьянова, присяжнаго повѣреннаго Осокина, стайку пластическихъ дѣвицъ, какого-то молодого, но уже обласканнаго Москвою поэта-символиста, милую Ольгу Александровну съ мужемъ, которые Тебѣ очень кланяются, и еще цѣлый рядъ какихъ-то менѣе дифференцированныхъ существъ.

И Александръ Яковлевичъ и Варенька мнѣ страшно обрадовались. Посыпались вопросы одинъ за другимъ, отчасти совершенно имъ неинтересные, отчасти совершенно невозможные: — почему я не развожу цыцарокъ, не сѣю бѣлаго клевера, думаетъ-ли Алексѣй еще разъ жениться, кого Тебѣ больше хочется — мальчика или дѣвочку?.. Все это на очень быстромъ тэмпѣ, на шумѣ, на жестѣ, перебивая и заглушая другъ друга, но къ счастью и безъ малѣйшей заинтересованности отвѣтами собесѣдника. Ужасно странные люди! Сколько лѣтъ я ихъ знаю — всегда милы, сердечны, душевны. А на самомъ дѣлѣ ни жизни, ни души, ни сердца, а такъ какая-то взбитая пѣна. И вокругъ нихъ такая-же жизнь, какъ въ нихъ самихъ. Послушала-бы Ты какой только ерунды не пѣнилось въ этотъ вечеръ за чаемъ и ужиномъ. Цензовую Думу мы распустили, Распутина сослали, республику установили, классическій балетъ революціонизировали принципами Далькроза, Брюсова утвердили въ чинѣ чернаго мага, всѣ европейскіе курорты уничтожили, разработавъ планъ реорганизаціи Кавказскихъ водъ. Послѣ всѣхъ этихъ подвиговъ мы слушали очень недурного піаниста, исполнявшаго Скрябина (въ музыкѣ Варенька чѣмъ-то что-то понимаетъ) и смотрѣли доморощенныхъ босоножекъ, которыя карежились какъ береста на огнѣ, но наслажденія кажется никому не доставили. Я хотѣлъ было уѣхать вмѣстѣ со всѣми, но это оказалось совершенно невозможнымъ. Какъ ни крутился, пришлось заночевать, разсказывать все слѣдующее утро про наше житье-бытье и возвратиться въ Москву лишь къ вечеру.

Я пріѣхалъ въ очень мрачномъ настроеніи, совершенно разбитый. Отвыкъ я отъ людей, родная, очень отвыкъ... Хотя, можетъ быть, мои отношенія съ людьми всегда были несовсѣмъ просты и нѣсколько двойственны. Съ одной стороны я какъ будто-бы очень люблю людей: — и общество, и шумъ, и разговоры, и театръ. Гдѣ-бы я ни жилъ, я всегда живу на людяхъ. Ужъ какъ Ты старалась поменьше знакомиться въ Цеми, и все же черезъ мѣсяцъ послѣ моего пріѣзда отбою не было отъ людей. Очевидно недаромъ меня причисляютъ къ тѣмъ мало симпатичнымъ людямъ, что именуются «душою общества».

Но все это только съ одной стороны; другая же заключается въ томъ, что постоянно страдаешь отъ первой. Въ концѣ концовъ я вѣдь ни города, ни общества не люблю; ни въ какихъ собраніяхъ и гостиныхъ, ни на какихъ обѣдахъ и чаяхъ самимъ собою не бываю. На людяхъ мнѣ весело, интересно, хорошо, и все же я почти всегда чувствую, что интересно и весело не мнѣ, а какому то лишь отдаленно похожему на меня и мало мнѣ симпатичному родственнику во мнѣ. Длительной жизни на людяхъ я совсѣмъ не выношу; и не потому, что мнѣ надоѣдаютъ люди, а потому что мнѣ рѣшительно становится противенъ этотъ мой родственникъ. Tête-à-tête'а со мной этотъ непріятный господинъ совершенно не переноситъ. Достаточно мнѣ почувствовать тоску по уединенію, по природѣ, какъ онъ сейчасъ-же куда-то исчезаетъ. Да, родная, самимъ собою я бываю пожалуй только въ деревнѣ и потому безмѣрно счастливъ, что у насъ съ Тобою есть наша глухая «Касатынь».

Она для меня спасеніе. И знаешь, не только отъ городского шума, но и отъ той горечи, съ которой для меня связано все мое отношеніе къ культурѣ и исторіи. Читая, — я всегда чувствую, что что-то для меня навѣкъ потеряно, что какая-то глубочайшая глубина жизни похоронена въ прошломъ, что я сирота, не помнящій своей

матери и потому не могущій утѣшиться доставшимся мнѣ богатымъ наслѣдствомъ...

Но достаточно оторваться отъ книги и выйти, особенно ранней весной, на террасу, какъ все мое самочувствіе сейчасъ-же мѣняется. Глубина жизни уже не въ прошломъ, а въ настоящемъ, не за спиной, а подъ ногами, я не исторгнутъ изъ нея, а несомъ ею, и я не сирота и наслѣдникъ, а младенецъ въ люлькѣ, которую качаетъ не такая-же, а *та-же самая* весна, которая жила на землѣ и при Эсхилѣ и при Францискѣ Ассизскомъ... — древняя, вѣчная, безсмертная, и вовсе не «сила природы» и не «время года», а родное любимое существо!

Помнишь, какъ мы съ Тобою пѣшкомъ возвращались отъ Гиреевыхъ? Во мнѣ этотъ вечеръ свернулся въ какое-то совершенно особенное ощущеніе. Тинистый запахъ воды; густой туманъ, въ немъ дремное жеванье и тяжелое по болотцу шлепанье спутанныхъ битюговъ. Ничего не видно: ни дороги, ни старыхъ нашихъ березъ, ни лошадей... И вдругъ надъ самымъ ухомъ громкое ржанье и въ двухъ шагахъ громадная, мифическая лошадиная морда, къ которой Ты такъ довѣрчиво и дружественно протягиваешь свою родную, теплую руку, которую я только-что цѣловалъ... И такое странное чувство, что всѣ мы: — и Ты и я, и наша любовь, и лошади, и березы, и рѣчка, такія родныя другъ другу существа, такое единоутробное въ парномъ молокѣ тумана — исконное Божіе Бытіе... Очень, очень былъ это особенный вечеръ! Ты устала, Тебя клонило ко сну, но ложиться одной не хотѣлось. Въ большомъ пушистомъ платкѣ, свернувшись калачикомъ, Ты полудремала на диванѣ, изрѣдка открывая глаза, чтобы убѣдиться, съ Тобой-ли я еще, не похитили-ли меня «злые вороги».

Я писалъ очень сосредоточенно, но ни на минуту не переставалъ чувствовать Твоего присутствія. Душѣ было такъ хорошо и спокойно въ туманной теплыни Твоего стерегущаго меня сна. Когда я кончилъ и подошелъ

къ Тебѣ, Ты спала уже совсѣмъ крѣпко. Съ умиленіемъ и вниманіемъ, для которыхъ нѣтъ у меня словъ, разглядывалъ я рѣсницы Твоихъ сомкнутыхъ вѣкъ, грустную лодочку Твоей ладони у нѣжно розовѣвшей щеки, синія жилки въ матовомъ, усталомъ вискѣ и маленькое, полуприкрытое волосами раскраснѣвшееся ото сна ухо. Какая благоговѣйно-прилежная работа, какая святая миніатюра, и все такое знакомое, такое милое, такое любимое: не мое — я. Но рядомъ съ этимъ чувствомъ еще иное: — кто она? Откуда? Не знаю какъ сказать это Тебѣ, но въ минуты наибольшаго углубленія нашей любви мнѣ порою кажется, что Ты нѣчто совершенно иное, чѣмъ всѣ люди, чѣмъ я; что Ты совсѣмъ не человѣкъ, а какое-то заговоренное таинственное существо, вѣщая священная кошка, изъ тѣхъ, что такъ почитались въ древнемъ Египтѣ. Это совсѣмъ, конечно, не значитъ, родная, что Ты въ своемъ женскомъ образѣ таишь какія нибудь кошачьи черты.

Бьетъ два часа, надо ложиться. Завтра много дѣла. Ради Бога пріѣзжай скорѣе. Безъ Тебя все мое время скоро начнетъ уходить на письма къ Тебѣ. Старая Флорентійская болѣзнь!

Цѣлую Тебя, мою единственную.

Весь вѣчно Твой Николай.

Москва, 5-го сентября 1913 г.

Вчера, дорогая, получилъ Твое второе письмо. Словъ въ немъ правда немного, но взоры и улыбка въ немъ такіе Твои, что я весь день ходилъ самъ не свой. Со вчерашняго дня почтальонъ мой врагъ. Страшно боюсь какъ-бы онъ не принесъ письма отъ Тебя. Если будетъ письмо — значитъ новая отсрочка.

Умоляю, держи отца построже. Я увѣренъ, что онъ съ удовольствіемъ заново подпростудился-бы, лишь бы

задержать Тебя въ Касатыни. Я очень радъ, что онъ съ Тобою началъ «оттаивать». Очень жду Твоихъ разсказовъ о вашихъ бесѣдахъ. Готовъ по возвращеніи изъ Петербурга чаще, чѣмъ дѣлалъ эту зиму, «подбрасывать» Тебя ему въ кабинетъ, но сейчасъ хочу, чтобы Ты не задерживалась ни одной лишней минутки.

Во-первыхъ, во мнѣ начинаетъ волкомъ выть тоска по Тебѣ, а, во-вторыхъ, хочется какъ можно скорѣе разрѣшить экзаменаціонный вопросъ. Задержекъ-же предстоитъ еще очень много. Первая уже та, что въ Корчагинѣ, гдѣ Тебя ждутъ съ невѣроятнымъ волненіемъ, придется пробыть, какъ ни какъ, по крайней мѣрѣ дней 10, а то и 2 недѣли; въ Петербургѣ тоже не все сразу наладится. Пока сговоришься съ факультетомъ, устроишься, начнешь работать, недѣли двѣ, а то и три пройдутъ непремѣнно. Уйдетъ время и на Марину, которая, судя по послѣднимъ письмамъ, сильно перемѣнилась. Страшно мнѣ важно, какъ Вы встрѣтитесь и какъ другъ другу понравитесь. Если не почувствуете родственной близости, мнѣ будетъ очень грустно. Вѣдь для меня Марина, которую я очень люблю, больше чѣмъ только Марина. Для меня она прежде всего осколокъ жизни съ Таней. Трудныя, обвиняющія воспоминанія объ этой мимолетной жизни въ послѣднее время какъ-то совсѣмъ отошли отъ меня. Осталась «вѣчная память». Вчера я въ этой памяти провелъ цѣлый день съ Таней въ странномъ чувствѣ, Наташа, будто сама она вспомнила обо мнѣ.

Я всталъ раньше обыкновеннаго; о Танѣ совсѣмъ не думалъ. Около девяти пошелъ въ университетъ. Прохладный хрусталь осенняго утра былъ еще окутанъ туманными испареніями ночного дождя. Все-же предчувствовался прекрасный, сентябрьскій день. Въ бульварномъ проѣздѣ внизъ къ Трубной дрожала нѣжная, золотистая мгла.

Хотя я и очень спѣшилъ, но сѣлъ почему-то на скамейку, и затонулъ... Знаешь, какъ это со мной бываетъ.

Когда я вернулся къ себѣ: — на скамейку, на бульваръ, въ мысль, что я опаздываю, кресты на Страстномъ уже четко блестѣли въ синѣющемъ небѣ, колокольня тепло розовѣла, и подъ мокрыми деревьями на пожелтѣвшихъ дорожкахъ играли въ огромный мячъ смѣющіяся дѣти... Четко стоя передъ глазами, крѣпкая, плотная, пестрая дѣйствительность эта въ душу однако не проникала. Въ душѣ заглушенно гудѣла какая-то странная, присутствующая пустота — тишина. Но вотъ черезъ нѣсколько мгновеній она какъ-то всколыхнулась; я почувствовалъ, что колыханіе это что-то глухо напоминаетъ мнѣ, что душа силится имъ что-то вернуть себѣ, что-то очень далекое, — что? — я не знаю, но чувствую, что откуда-то возникъ и рядомъ со мной засвѣтился чей-то ласковый профиль... Въ эту секунду съ Тверской донеслось цоканье подковъ по торцу, которое поставило въ душѣ все сразу на мѣсто. Съ уничтожающею все настоящее ясностью всталъ такой-же осенній день далекаго девятьсотъ шестого года. Рядомъ со мною улыбающійся Алеша; мы ѣдемъ въ Медвѣдково, въ церковь, гдѣ ждетъ меня Таня, невѣста...

Не знаю, милая, какъ разсказать Тебѣ это, но только чувствую я, что во внезапномъ появленіи въ моемъ сознаніи Тани было что-то совсѣмъ особенное, я сказалъ-бы сновидческое. Ты вѣдь знаешь, какъ бываетъ во снѣ. Достаточно въ дѣйствительности случиться какому нибудь пустяку, чтобы сновидческое сознаніе съ невѣроятною быстротою подставило подъ нею свою собственную длиннѣйшую импровизацію. Просыпаясь въ дѣйствительности отъ перваго стука въ дверь, мы въ нѣдрахъ сна просыпаемся отъ врывающихся въ комнату злодѣевъ, преслѣдовавшихъ насъ уже цѣлую ночь. Сидя на бульварѣ и смотря на играющихъ дѣтей, я конечно не спалъ. Но что-то странное все-же было со мною (оттого и пишу Тебѣ такъ подробно); въ нормально бодрствующемъ, дневномъ сознаніи, я во всякомъ случаѣ не былъ. Увѣренъ, что мой сонъ наяву : — колыханіе рессоры въ душѣ, чей-

то ласковый профиль, и даль и тоска — все это было подсказано мнѣ цоканьемъ по мостовой, которое само дошло до души только послѣ всего, чѣмъ наполнило душу, и дойдя до нея разбудило меня, но не въ настоящее, а въ прошлое, въ онтологическую глубину всякаго сна, въ вѣчность памяти. Вѣдь въ концѣ концовъ сонъ не что иное, какъ истерзанная, искаженная, смятенная глубина нашей жизни.

Ну такъ вотъ, Наталенька, проснувшись отъ своего сна, я вернулся къ Страстному, взялъ, словно это было давно рѣшено, извозчика и велѣлъ ему ѣхать въ Медвѣдково. Онъ повернулъ было внизъ, по бульварамъ, но я направилъ его по Садовой. Потянуло взглянуть на тотъ домъ, въ который Таня привезла меня изъ Гейдельберга знакомить со своими родителями и рѣшать нашу судьбу, изъ котораго она невѣстой собиралась въ Медвѣдково, къ которому я подъѣзжалъ Алешинымъ шаферомъ, въ который Ты вернулась Алешиной женой, въ громадныхъ, пустынныхъ комнатахъ котораго онъ живетъ сейчасъ вдвоемъ со своею матерью; она, сторожа его непримиримость, онъ — свое отчаяніе.

Ужасный, жуткій для меня домъ: и тянетъ онъ и отталкиваетъ. Помню, какъ сразу захолонуло сердце, когда мы въ первый разъ подъѣзжали къ нему съ Таней, и я вмѣсто ожидаемаго старо-московскаго дома увидалъ какую-то безвкусную азіатски-американскую нелѣпость съ громадными декадентскими окнами. Не смягчилъ этого перваго впечатлѣнія и самъ старый Вакунинъ.

Высокій, худой, остроглазый, длинноносый, въ фетровомъ цилиндрѣ, съ черной ленточкой вмѣсто галстука, съ плоской бутылочкой молока въ жилетномъ карманѣ, съ какой-то придушенной рѣчью и громкимъ хлопаньемъ въ ладоши, онъ произвелъ на меня при первомъ нашемъ знакомствѣ въ дверяхъ своего магазина на фонѣ мѣшковъ, брезентовъ, пеньки, веревокъ (все кипами, горами) ка-

кое-то никакъ не вяжущееся съ Таней и очень отчуждающее впечатлѣніе.

Проѣзжая мимо громадныхъ, полуподвальныхъ витринъ, въ которыхъ и послѣ смерти старика ничего не измѣнилось, я съ послѣднею ясностью вспомнилъ первое время моего знакомства съ Вакуниными.

Милая, бѣдная моя Таня выбивалась изъ силъ, чтобы хоть какъ нибудь связать меня со своими. Но сколько она ни разсказывала родителямъ о Касатынѣ, сестрамъ и роднымъ объ «этическомъ соціализмѣ», какъ горячо ни хлопотала, какъ виновато ни улыбалась мнѣ: — «подожди», какъ мужественно ни боролась за свободу «самоопредѣленія», — ничего не выходило. Для стариковъ я, несмотря на Касатынь, оставался студентомъ, а для всей соціалистически-рубашечной молодежи, съ которой Таня выросла и въ которую вѣрила — идеалистомъ, мистикомъ, и главное, атмосферически совершенно чуждымъ существомъ. Единственнымъ человѣкомъ, который могъ-бы помочь тогда Танѣ, была-бы Ты, если бы не арестъ Алеши; и потомъ конечно я самъ. Но непримиримый по молодости, я не только не помогалъ Танѣ, а напротивъ — мучилъ ее и самъ тормазилъ все дѣло. Ахъ, Наташа, Наташа, что далъ-бы я, чтобы хоть на часокъ встрѣтиться съ Таней, попросить у нея прощенія и вынуть у нея изъ души ту смертельную боль, которую, знаю, изо дня въ день причинялъ ей тогда, неустанно доказывая, что все напрасно, что связать меня и своихъ ей можетъ удасться только ослабивъ связь между нами двумя. Жестокій я тогда былъ человѣкъ, Наташа, принципіальный; Тебѣ со мною много легче, чѣмъ было бѣдностной Танѣ. Теперь я въ сущности мягокъ, какъ трепаный ленъ...

Сухарева башня, Спасскія казармы, Домниковская, Каланчевская площадь — все это было еще Москвой; Москвой, въ которую я пріѣхалъ четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ и въ которой многое пережилъ и до и послѣ Тани. Такъ — Рязанскій вокзалъ для меня навѣки —

Лунево: самые наши съ Тобою безумные и самые страшные дни. Но за Ярославскимъ вокзаломъ, за какими-то только одинъ разъ и виданными мною прудами, потянулась уже не Москва, а какой-то иной городъ и міръ: нашъ съ Таней путь къ нашей Медвѣдковской церкви. Я ѣхалъ, и ничего не зная — все узнавалъ, какъ узнаешь каждый звукъ разъ въ жизни слышанной, душѣ запомнившейся, но въ ушахъ не оставшейся мелодіи. И все узнавая — я все удивлялся: — какъ странно, что все еще есть, что все на томъ-же мѣстѣ, какъ было и тогда — непонятно, совсѣмъ непонятно. Мнѣ всегда непонятно, что мѣста, черезъ которыя однажды прошелъ прибой моей судьбы, могутъ какъ-то остаться не сметенными съ лица земли часомъ отлива отъ нихъ моей жизни. Какъ? — Меня нѣтъ, моего нѣтъ, а земля, дома и вещи на мѣстѣ, когда все это только потому и было, что было моимъ и было во мнѣ? Нѣтъ, это можно знать, это можно тысячу разъ повторять себѣ, но повѣрить этому сердцемъ, всѣмъ существомъ — невозможно. Легче повѣрить обратному. Разъ не тронутъ мой путь, разъ изъ семилѣтняго небытія онъ снова встаетъ въ настоящую жизнь мою, то не значитъ ли это, что и прошлое не прошло, что и оно явится мнѣ въ концѣ моего пути. Я ѣхалъ въ страшномъ волненіи, Наташа, въ безумномъ какомъ-то ощущеніи, что если стоитъ на мѣстѣ Медвѣдковская церковь, если тѣ-же ступени, та-же паперть, съ нея тѣ-же дали... то... то что-то должно случиться совсѣмъ невозможное...

Я гналъ извозчика; переѣхавъ желѣзнодорожное полотно, я почувствовалъ совершенно невыносимое безпокойство; мнѣ не къ чему было опаздывать, но сердце разрывалось отъ страха опоздать. Нѣтъ, я ѣхалъ не въ прошлое, не на могилу, а въ настоящее, на свиданіе!

Когда наконецъ-то показалось Медвѣдково, и дорога, подойдя къ изгородямъ, обходной петлей вдоль околицы повернула къ усадьбѣ, я не выдержалъ: — выпрыгнулъ изъ пролетки и тропинкой быстро двинулся къ церкви.

Она! — все та-же; и та-же не только она, но то-же все! Все — и хрусталь осенняго воздуха, и обѣденный часъ, и покосившаяся полупрѣлая дачка напротивъ и маслянистые пласты свѣжей пашни за рѣчкой въ ложбинѣ, и желтая травка между плитами старой паперти... И только Таня въ могилѣ подъ бѣлымъ крестомъ въ каменной оградѣ совсѣмъ другой церкви, въ чужой и далекой Вильнѣ... Это мелькнуло, но только соображеніемъ, почти поверхностнымъ. Сердцемъ-же не принялось и невозможнаго какого-то ожиданія не убило. Хотѣлось непремѣнно войти въ церковь. Зачѣмъ? — Не знаю, Наташа, но только чего-то я ждалъ и ничему-бы не удивился. Если-бы мнѣ было видѣніе, я-бы его за видѣніе не принялъ. Я-бы повѣрилъ, что Таня пришла со мною повидаться. Развѣ не просто, — сама указала Медвѣдково, назначила часъ, и пришла съ того свѣта, надѣвъ въ память прошлаго мой любимый нарядъ, свою земную, милую плоть...

Церковь была заперта. Быть можетъ лучше всего было-бы походить вокругъ нея да и ѣхать обратно. Но этого я не могъ, меня влекло въ церковь, и я пошелъ искать сторожа.

Въ синей рубахѣ, въ валенкахъ, въ громадной фетровой шляпѣ, онъ стоялъ на крыльцѣ сторожки, смотрѣлъ въ небо и расчесывалъ бороду. Моему желанію осмотрѣть церковь онъ видимо обрадовался. Проворно накинувъ пиджачишко, вынулъ изъ кармана связку тяжелыхъ бородатыхъ ключей и мягко засеменилъ передо мной по дорожкѣ. Только передъ самой папертью остановился, обернулся, и видимо ради добросовѣстности объяснилъ: «да чего ее смотрѣть, баринъ, вѣдь она старая». Невольно улыбнувшись, я поднялся вслѣдъ за старикомъ на паперть и вошелъ въ церковь, но совсѣмъ уже не въ тѣхъ ощущеніяхъ, въ которыхъ только-что одинъ стоялъ у ея дверей. Ласковый старикъ все время вертѣлся подлѣ и разспрашивалъ, «что въ ней хорошаго», и я разсказывалъ ему что-то о Грозномъ. Таня въ подвѣнечномъ платьѣ,

блѣдная, взволнованная, какъ живая, стояла рядомъ со мною. Слышалось пѣніе, пахло воскомъ и ладономъ... Но все это было только воспоминаніемъ, привычнымъ спутникомъ моей теперешней жизни.

Выйдя изъ церкви, я совсѣмъ было собрался уѣзжать, какъ вдругъ старикъ, посмотрѣвъ на меня особенно пристально, снялъ шляпу, законфузился и ошеломилъ меня внезапнымъ вопросомъ: «а позвольте узнать, очень мнѣ Ваша личность знакома, Вы не тотъ-ли господинъ будете, который Танюшу Вакунину за себя взяли?» Разговорились. И знаешь, что выяснилось, Наташа? То, о чемъ Таня мнѣ конечно разсказывала, но чему я какъ то не придавалъ большого значенія. Оказывается, что Таня не только за старину, и не только ради того, чтобы на свадьбѣ не было родственниковъ и знакомыхъ, выбрала медвѣдковскую церковь, но и по совсѣмъ другимъ мотивамъ. Оказывается, что она хорошо знала и очень любила медвѣдковскаго батюшку, у котораго Вакунины много лѣтъ снимали дачу, и чуть-ли не двѣнадцатилѣтней дѣвочкой рѣшила, что вѣнчаться будетъ обязательно у него. Какъ дѣвочкой обѣщала, такъ и сдѣлала. Очень она вѣрный во всемъ была человѣкъ.

Когда я вошелъ къ отцу Василію (котораго еле помнилъ) и назвалъ себя, онъ обрадовался мнѣ какъ родному. О Таниной смерти онъ зналъ. Зналъ-ли и то, что я снова женатъ, и на комъ, — не знаю. Думаю, что зналъ, потому что очень деликатно ни о чемъ не спросилъ. Мы сидѣли въ маленькомъ зальцѣ на старомъ кретоновомъ диванѣ, любимомъ Таниномъ. Надъ столомъ жужжали мухи, пахло сушеными грибами, шумѣлъ самоваръ... Отецъ Василій, очевидно любившій Таню, какъ родную дочь (самому «Богъ дѣтей не далъ»), все разсказывалъ и разсказывалъ объ ея дѣтствѣ. Умный, любовный разсказъ ласковаго старика четко нарисовалъ образъ живой, горячей и пытливой дѣвочки, строптивой и рѣзкой дома, но очень внимательной, услужливой и мягкой съ посто-

ронними людьми, у которыхъ она очевидно искала защиты отъ сумрачности родительскаго дома и къ которымъ легко и крѣпко привязывалась. Съ дѣтства болѣзненная, смугленькая, «кривоплеченькая», но всегда встрепанная, всегда на «любопытныхъ цыпочкахъ», она походила по его словамъ на жиденькія, однобокія, но граціозныя слочки, что растутъ по лѣснымъ опушкамъ. Очень онъ о ней хорошо, зорко и любовно разсказалъ. Я унесъ съ собою новое, сложное, нѣжное ощущеніе Таниннаго дѣтства, Тани гимназистки въ первомъ коричневомъ платьицѣ...

На обратномъ пути этотъ милый, новорожденный образъ все время стоялъ у меня передъ глазами. Но знаешь, что страннѣе всего — съ моей Таней, Таней-женой, онъ во мнѣ не сливался; маленькая Таня ѣхала со мной въ Москву не Таней, а нашей съ Таисею дѣвочкой, — той, которую Таня такъ ждала и которая съ полпути въ міръ вернулась обратно въ небо. Какъ Таня прислушивалась къ ней! Сначала что-то промелькнетъ въ глазахъ, словно тѣнь быстраго облака, потомъ судорожно дернется нервный ротъ, но тутъ же судорога улыбкой взлетитъ къ глазамъ — и во всемъ лицѣ свѣтъ. Какъ я любилъ и какъ жалѣлъ ее въ эти минуты...

Когда я проѣзжалъ мимо Вакунинскаго дома, въ окнахъ кабинета былъ свѣтъ. Сразу представилась мрачная комната, бархатныя портьеры на окнахъ, между ними громадный письменный столъ спиной къ свѣту (характерно, что старикъ не переносилъ дверей за спиной), на немъ тяжелый малахитовый приборъ — все торжественно, сумрачно и мертво, какъ катафалкъ. И вдругъ, Наталенька, такое чувство нерасторжимой связи со всѣмъ этимъ и такое необоримое желаніе позвонить и войти, что я долженъ былъ собрать всю свою волю, чтобы проѣхать мимо.

Будь я увѣренъ, что Алеша одинъ, я можетъ быть и поддался бы своему порыву. Вѣдь ходили-же мы съ нимъ

по Клементьевскому парку, вѣдь говорили-же о прошломъ! Вѣдь могъ-же онъ почувствовать, что я только-что отъ Тани ...

Пріѣхавъ домой, я написалъ ему большое письмо. Быть можетъ несовсѣмъ то, которое нужно-бы было написать, чтобы онъ повернулся лицомъ ко мнѣ. Быть можетъ, если-бы я написалъ только изъ глубины вчерашняго дня, мой голосъ скорѣе дошелъ-бы до его души. Но этого я сдѣлать не могъ, не могъ-же я совсѣмъ не коснуться и нашего вопроса. Я написалъ ему безъ малѣйшаго налета того чувства своей правды, въ которомъ писалъ ему въ Клементьевѣ. Надѣюсь, что онъ отвѣтитъ.

Ну, родная, Христосъ съ Тобою, сейчасъ ни о чемъ больше писать не хочется.

Весь Твой Николай.

Москва, 8-го сентября 1913 г.

Сегодня утромъ, Наталенька, получили мы съ Тобою письмо отъ Алексѣя. Пишу мы, потому что адресовано оно ко мнѣ, написано намъ обоимъ, а отвѣта онъ ждетъ отъ Тебя. Всякій разговоръ со мной онъ рѣшительно отклоняетъ. Ну, да Ты сама все увидишь. Думалъ было, что мы прочтемъ его вмѣстѣ, да перерѣшилъ; вѣдь еще неизвѣстно, когда Ты пріѣдешь.

Грустно, родная, и больно. Алешино письмо очень умное, очень талантливое; въ немъ есть, я это чувствую, и какая-то жуткая правда о мнѣ. И потомъ въ немъ страшная тяжесть: — какая-то корча страданья. И все-же въ цѣломъ оно несправедливо и слѣпо. Я увѣренъ, Ты почувствуешь это сильнѣе меня.

Конечно, и я вѣрю, что «о послѣднихъ истинахъ не препираются, а за нихъ борются на жизнь и смерть». Но такое исповѣданіе правды борьбы безсмысленно безъ признанія побѣды, какъ рѣшенія Божьяго суда. Мы съ Алешей боролись, и поле битвы осталось за мной. Чего-же онъ хочетъ? Развѣ заднимъ числомъ судить побѣди-

телей не значитъ «препираться» о той правдѣ, за которую онъ считаетъ возможнымъ только бороться.

Не могу я согласиться и съ тѣмъ, что нѣтъ во мнѣ чувства крови. Но кровь крови рознь. Есть кровь, какъ окрыленность сердца страстью, и есть слѣпые, налитые кровью глаза. Летучая кровь — прекрасна; тучная — только красна. Первую я въ себѣ знаю, объ отсутствіи второй — не жалѣю. Чтобы бороться со своимъ противникомъ не на животъ, а на смерть, совсѣмъ не обязательно умалять его. Эстетически всякій поединокъ предполагаетъ равную доблесть противниковъ а нравственно — ихъ разную, но *равноцѣнную* причастность къ Правдѣ. Только споръ между правдами имѣетъ право разрѣшаться кровью; для разрѣшенія спора между правдой и ложью достаточно участка или третейскаго суда. Еще изъ Клементьева я писалъ Алексѣю, *что признаю свою вину* передъ нимъ, но одновременно утверждаю, что *долженъ* былъ взять ее на себя, потому что другого исхода мнѣ не было. Но всего этого онъ очевидно не понялъ и не принялъ. Если Ты рѣшишь писать изъ Касатыни, попытайся еще разъ сказать ему своими словами (мои ему очевидно противны и непонятны), что жизнь въ этикѣ безъ остатка не растворима, что на днѣ всякаго этическаго раствора остается мутный осадокъ, *нравственный долгъ грѣха*. Ей-Богу-же этотъ осадокъ не моя выдумка. О немъ, какъ о глубочайшемъ религіозномъ корнѣ трагическаго измѣренія жизни свидѣтельствуютъ, какъ одинъ человѣкъ, всѣ величайшіе историки человѣчества, всѣ трагики — отъ Эсхила до Ибсена.

Неужели-же Алексѣй не понимаетъ, что дѣлая то, что онъ дѣлаетъ, онъ нравственно губитъ не только меня, но вмѣстѣ со мною и Тебя и себя... Впрочемъ, возможность такого отношенія Ты, вопреки мнѣ, всегда предполагала и даже оправдывала. Быть можетъ оно потому поразитъ Тебя меньше, чѣмъ поразило меня. А я, Наташа, ошеломленъ и, знаешь, не

только силою Алешиной ненависти, но и своей слѣпотой.

Я никогда не считалъ себя психологомъ, для этого я слишкомъ философиченъ; но чтобы я могъ такъ ничего не понять въ душевномъ состояніи близкаго мнѣ человѣка, какъ я ничего не понялъ въ Клементьевскомъ настроеніи Алеши, — этого я все-же отъ себя не ожидалъ.

А знаешь, въ чемъ причина? Алешино письмо впервые натолкнуло меня на очень жуткую для меня мысль: не таится ли она въ какой-то своеобразной холодности моего сердца, въ какомъ-то головномъ тембрѣ его біенія? Ты вѣдь знаешь, я немногихъ людей такъ любилъ, какъ любилъ, да и теперь люблю, Алешу. Какъ-же случилось, что видя его изо дня въ день въ Клементьевѣ чернымъ и испепеленнымъ, я такъ и не смогъ представить себѣ всей глубины его страданія. Причемъ (если не считать мгновенныхъ закидокъ) мнѣ вѣдь ничего не застилало взора: ни ненависть ни ревность, ни самолюбіе — ничего, кромѣ моей упорной вѣры въ свою правоту и ея силу.

Я еще не могу сказать Тебѣ, Наталенька, въ чемъ дѣло, но я ясно чувствую, что Алеша указалъ своимъ письмомъ на что-то мнѣ самому новое въ себѣ, надъ чѣмъ мнѣ никогда больше не перестать думать и о чемъ мнѣ безконечно важно какъ можно скорѣе допросить Твою всепонимающую совѣсть.

Сейчасъ вотъ какая во мнѣ разверзается пропасть. Если жизнь не растворяется въ этикѣ, то она тѣмъ менѣе растворяется въ логикѣ. Если есть *нравственный долгъ грѣха*, то очевидно же есть и *метафизическій долгъ непониманія*. Но если такъ, то не глубже-ли (метафизически) Алешино непониманіе меня, чѣмъ мое требованіе, чтобы онъ меня понялъ. И дальше: — я утверждаю (и такъ и писалъ Алешѣ), что виноватъ передъ нимъ трагическою виною безъ вины виноватаго. Скажи, не кажется-ли Тебѣ, что это могло-бы быть правдой только въ томъ случаѣ, если-бы я самъ объ этой правдѣ ничего не зналъ. Сейчасъ

во мнѣ поднимается страшное сомнѣніе: — могу ли я, осознавъ свою вину, какъ трагическую, не превратить ее тѣмъ самымъ въ этическую. Развѣ герой трагедіи могъ-бы остаться героемъ и не стать лицемѣромъ, если-бы онъ вмѣстѣ со своимъ авторомъ зналъ, что его вина — вина «безъ вины виноватаго»? То, что Алеша написалъ о полномъ отсутствіи у меня трагическаго ощущенія жизни, очень грубо и жестоко. Но на какую-то ему самому невѣдомую правду онъ все-же натолкнулся, если только все то, что я сейчасъ говорю, больше чѣмъ временное затменіе сознанія.

Съ безконечнымъ нетерпѣніемъ жду Твоего пріѣзда, дорогая. Одному мнѣ со всѣмъ этимъ не справиться. Чувствую, что только Твоя мудрая рука сможетъ остановить діалектическія качели обезумѣвшаго въ моей душѣ маятника.

Цѣлую Тебя, дорогая.

Твой Николай.

Н. Ф. Переслѣгину. Москва, 19 7/IX 13.

Я пишу Тебѣ на Ты, потому что къ сожалѣнію убѣдился въ правдѣ Твоего лѣтняго письма. Уйти отъ Тебя мнѣ дѣйствительно невозможно. Близость ненависти ближе близости любви. Въ Клементьевѣ, когда я боролся съ собою — не убить-ли мнѣ одного изъ насъ, я мысленно тоже говорилъ съ Тобой не на Вы.

Не думай пожалуйста, что я не понимаю, до чего съ моей стороны глупо доставлять Тебѣ удовольствіе признаніями о моихъ эффектныхъ клементьевскихъ настроеніяхъ. Все это я очень хорошо понимаю. Но мнѣ сейчасъ не до этого. Говорить, такъ говорить безъ оглядки.

Ты снова настаиваешь на нашемъ свиданіи. Ужасно меня, кстати, покоробило, что Ты прислалъ письмо не нормальнымъ человѣческимъ способомъ, по почтѣ, а съ нарочнымъ, потребовавшимъ расписку. Точно вызовъ къ слѣдователю или повѣстка изъ участка. Очень это

похожая на Тебя мелочь. Но это конечно такъ, мимоходомъ. Главное-же, видѣться намъ совершенно незачѣмъ. То-есть, Тебѣ-то есть конечно зачѣмъ. Я очень хорошо понимаю, до чего Тебѣ необходимо снова завладѣть мною, отравить Твоей казуистикой дважды два — четыре моего сердца и сознанія. Я увѣренъ, что Ты уже давно обѣщалъ Натальѣ подарить къ именинамъ мое признаніе Твоей правды, мое глубокое пониманіе Тебя и пріятіе Твоего предательства. Безъ этой послѣдней побѣды надо мной Тебѣ не успокоиться. Тебѣ во что-бы то ни стало нужно убить въ Натальѣ и тѣ послѣднія угрызенія совѣсти, которыми она, по крайней мѣрѣ временами, все еще чувствуетъ себя связанной со мною. Но неужели-же весь Твой умъ (а умъ, кажется, единственное, въ чемъ Тебѣ не откажешь) настолько глупъ, чтобы не видѣть, что въ этомъ дѣлѣ я Тебѣ не помощникъ, что никакими жалкими словами о необходимости «существенно объясниться» и «объективно понять другъ друга» Тебѣ меня не провести.

Въ объективную правду я вѣрю не меньше Тебя, но объективная правда, какъ бы это ни оспаривали г. г. философы, у каждаго къ несчастью своя. Объективная правда не *наша логика*, а *моя кровь*. Не то, о чемъ препираются, а то, за что умираютъ. Но этого Тебѣ по настоящему, кровью, конечно никогда не понять, потому что вся Твоя сущность и сила въ томъ, что у Тебя въ жилахъ течетъ не кровь, а какая-то прозрачная, игривая шипучка.

Со скрежетомъ зубовнымъ, со стыдомъ и раскаяніемъ вспоминаю я сейчасъ, какъ цѣлыхъ два года изо дня въ день самъ отравлялъ Наташину душу своимъ слѣпымъ увлеченіемъ той холодной, праздною игрою ума, которая всегда вскипала въ Тебѣ, когда Твоя шипучка неизвѣстно почему бросалась Тебѣ въ голову.

Сейчасъ у Тебя никакой власти надо мной нѣтъ. На этотъ счетъ можешь быть абсолютно спокоенъ. Я вижу Тебя насквозь и всего Тебя наотрѣзъ отрицаю. И Твою

безкостную, какъ Петрушка, мысль, и Твой холодный бенгальскій темпераментъ, и Твою фальшивую сентиментальность, и Твою самоувѣренную барственность, и Твое актерское лицо. Въ довершеніе ко всему этому еще одно: я увѣренъ, что въ концѣ концовъ Ты себя видишь такимъ-же, какъ я Тебя вижу. Вѣдь видѣть Ты большой мастеръ. Но въ Тебѣ это не заслуга, потому что для Тебя изъ этого самовидѣнія рѣшительно ничего не вытекаетъ, ни раскаянія, ни угрызеній совѣсти, ни стремленія взять и перекромсать себя... ничего. Тутъ въ Тебѣ есть какой-то совершенно невѣроятный цинизмъ, вотъ ужъ «цинизмъ, доходящій до граціи».

Я знаю, что выдаю себя съ головою, но говорю Тебѣ прямо: сейчасъ я живу только ожиданіемъ, что въ одинъ прекрасный день Наталья сама все это ясно увидитъ. Не можетъ-же она до смерти жить съ Тобою, да еще и молиться на Тебя, не видя, что Твоя душа не только не храмъ, но даже и не квартира, а гнусная экспериментальная лабораторія. Вѣдь она женщина большая, настоящая и правдивая. Настолько настоящая и правдивая, какъ Тебѣ никогда не понять и ужъ конечно никакъ не оцѣнить. Съ Тобой и говорить-то о ней было-бы грѣхъ, если-бы на сердцѣ не было худшаго; никогда не прощу себѣ, что не удержалъ ея (мало значитъ любилъ), отдалъ, уступилъ, предалъ. Своими руками снесъ ея младенческую душу самому черту въ люльку, на, молъ, укачивай, пой надъ ней, отпѣвай ее!

Надѣюсь, что послѣ всего сказаннаго, Ты поймешь, что намъ говорить не о чемъ, что Твое предложеніе «разговора» для меня такая-же нелѣпость, какъ предложеніе сверленія давно просверленной дыры.

Но если-бы моего общаго мнѣнія о Тебѣ было-бы недостаточно, то могу на всякій случай добавить вотъ еще что: я знаю не только Тебя, но напередъ знаю и все, что Ты будешь мнѣ проповѣдывать. Вѣдь на смерть отравленная Тобою Наталья еще цѣлый мѣсяцъ оста-

валась со мною. Вѣдь мучилась, несчастная на моихъ глазахъ. Будешь Ты мнѣ доказывать, что я никогда не любилъ Наталью, а всего только за жизнь цѣплялся и что она, въ сущности, тоже не любила — гдѣ тамъ — а по какому-то долгу службы отъ отчаянья, а можетъ быть даже и отъ смерти спасала. Замѣчательная глубина прозрѣнія! Удивительная легкость въ мысляхъ! Не любила, а *всего только* отъ смерти спасала... *всего только!* Но скажи-же на милость, что же по Твоему любовь, если она не спасеніе отъ смерти, и чѣмъ, чѣмъ кромѣ любви можетъ одинъ человѣкъ спасти другого отъ смерти? И какъ-бы Наташа меня спасала и спасла, если-бы она меня не любила? Но что говорить съ Тобою о всемъ этомъ! Что могу Тебѣ сказать я, когда даже страшная Танина смерть Тебѣ ничего не сказала, не вскрыла въ Твоей душѣ глубочайшаго догмата жизни: единства смерти и любви! Ни любви, ни смерти, вообще никакой глубины жизни Тебѣ все равно никогда не понять.

Ее и Тебя навѣкъ раздѣляетъ Твоя чудовищная, безмѣрная живучесть, свойственная только самымъ низменнымъ, безпозвоночнымъ организмамъ, у которыхъ что ни оторви, все вырастаетъ вновь.

Еле успѣвъ схоронить Таню, Ты, какъ я къ несчастью только теперь яснѣе яснаго вижу, сейчасъ-же чуть-ли не надъ свѣжею могилой уже началъ прикидывать Марину, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ и Наталью. Въ то время Марина была для Тебя соблазнительнѣе, но на мое горе за мою Наталью работала ситуація. Жена ближайшаго друга, почти брата — это конечно куда «наряднѣе», чѣмъ ничѣмъ не связанная дѣвушка! Но кромѣ этого чувства позы былъ въ Тебѣ еще и разсчетъ сладострастія. Можетъ быть раньше, чѣмъ Ты самъ это понялъ, поняла Твоя жадность, что ходъ на Наталью совсѣмъ не лишалъ Тебя въ будущемъ еще и хода на Марину; бракъ же съ Мариной навсегда отрѣзывалъ Тебя отъ Натальи. А потому правильный расчетъ — Наталью, сейчасъ-же,

пока еще отравлена кровь и одурманена воля, силкомъ и софизмомъ, черезъ предательство и преступленіе, въ домъ подъ ключъ, въ жены! Романъ же съ «демонической» (кажется это такъ у Тебя называется) Мариной про запасъ, на интересный завтрашній день.

Господи, какъ я мучился за Наталью и какъ ненавидѣлъ Тебя въ Клементьевѣ, когда вылощенный, въ лаковыхъ сапогахъ, въ какихъ-то новомодныхъ штанахъ Ты безъ малѣйшей мысли о все отдавшей для Тебя женщинѣ (гдѣ-то тамъ... ждущей Тебя) самозабвенно и самодовольно проносился мимо меня «въ вихрѣ вальса»!

Повѣрь, если-бы не эксцентричная выходка Марины — Ты въ тотъ вечеръ врядъ-ли ушелъ-бы живымъ изъ Клементьева. Дѣло это прошлое, Тебѣ уже давно ничего не грозитъ, можешь не безпокоиться. Пишу-же о своей мукѣ, о своемъ безуміи только для того, чтобы Ты, наконецъ, понялъ, *что* между нами въ дѣйствительности произошло, *чѣмъ* мы отдѣлены другъ отъ друга, и, взявъ у меня жизнь, пересталъ-бы навязывать мнѣ свою «истину».

Зачѣмъ судьбѣ тогда понадобилось разрядить мою ненависть (утверждаю, праведную) въ такое жалкое, малодушное лицемѣріе тогдашняго утра, когда, посрамленный и уничтоженный этимъ нелѣпымъ вальсомъ съ Мариной, я покорно прогуливался рядомъ съ Тобою, я до сихъ поръ въ толкъ не возьму. Но Твоею, или «Твоей правды» побѣдою, какъ ты наивно предполагаешь, это трижды проклятое утро во всякомъ случаѣ не было.

Было совсѣмъ другое, было глубокое ко всему безразличіе человѣка, который пустился въ присядку вмѣсто того, чтобы спустить курокъ. Послѣ такого анекдота все все равно и все можно. Воли нѣтъ, всего Тебя нѣтъ. Что скажутъ, то и сдѣлаешь. Предложи Ты мнѣ въ то утро, не то что пройтись по саду, а подписать Твою гипотезу, что никогда я не любилъ Натальи, я бы подписалъ безъ малѣйшихъ колебаній. Я тогда же видѣлъ, что Ты все понимаешь навыворотъ, но было не до того. Потомъ

только мучила злость; представлялъ, какъ Ты громогласно докладываешь о своемъ торжествѣ Натальѣ. Хотѣлъ даже писать ей, да не написалось. Снявши голову, по волосамъ не плачутъ. А кромѣ того остановила мысль — кто она, *Твоя* Наталья? Не развратилъ-ли Ты ее до того, что она сочла-бы себя обязанной показать Тебѣ *мое* письмо?

Надѣюсь, что теперь Ты поймешь, что вся Твоя аппелляція къ «Клементьевскому утру», какъ къ началу и доказательству возможнаго между нами пониманія и сближенія — верхъ слѣпоты и безсмыслія. Замѣчательно до чего Ты всегда все тщательно и цѣльно выдумаешь и до чего все впустую. Кромѣ Тебя не знаю ни одного человѣка, который при такихъ изощреннѣйшихъ понятіяхъ о жизни, такъ элементарно ничего-бы въ ней не понималъ.

Ты любишь говорить о трагедіи — пустыя слова. Трагическаго ощущенія жизни какъ разъ въ Тебѣ то и нѣтъ ни на грошъ, конечно, если трагическимъ ощущеніемъ считать міроощущеніе героя, а не завсегдатая партера. Ты же «партеръ», зритель 1-го ряда, благополучный и ко всему равнодушный, какъ кресло подъ нимъ. И вся эта Твоя Манилловщина, твои объективныя истины, взаимное пониманіе, дутый пафосъ, все это одна безкровная риторика черстваго сердца.

Пойми-же, объективная истина моей жизни — *Наталья*. Общей эта истина у насъ съ Тобою быть не можетъ. Ни къ какому взаимному пониманію намъ потому притти нельзя и стремиться не только безсмысленно, но и кощунственно. Больше намъ говорить не о чемъ.

Алексѣй.

P. S. Съ Тебя можетъ статься, что Ты начнешь слѣдующее письмо съ глубокомысленныхъ разсужденій на тему о противорѣчіи содержанія моего письма и факта его написанія, съ доказательства «тезиса», что очевидно-же

намъ есть о чемъ говорить, разъ мы фактически говоримъ. На этотъ случай сообщаю Тебѣ, что письмо это я написалъ прежде всего въ увѣренности, что Ты его дашь прочесть Натальѣ (Тебѣ сейчасъ это только выгодно, прекрасный случай показать свое благородство). Мой же расчетъ, говорю откровенно, весь на завтрашній день. Сейчасъ мое письмо вызоветъ въ Натальѣ только глубокую обиду за Тебя и сожалѣніе о моемъ ослѣпленіи, это ясно. Но я твердо вѣрю, что время и прежде всего самъ Ты — работаете мнѣ на пользу. Человѣку, которому осталась только смерть — спѣшить некуда. Поживемъ — увидимъ.

Если-бы на это письмо захотѣла отвѣтить Наталья, я былъ-бы радъ. Я нѣсколько разъ хотѣлъ ей писать, но не былъ увѣренъ, отвѣтитъ-ли она.

Федоръ Степунъ.